

*Посвящается учителям,
погибшим в первые годы
Советской власти
от кулацкой пули*

Наверно, оттого, что тучи роем
Утопили луну за один нажим,
Никто не видел, как крались трое
Темноту накалывая на ножи.
А утром, когда зарю оголтело
С деревьев сонных склёвывали птенцы,
За деревней нашли мёртвое тело
Молодой учительницы.
Это было!
было давно!

... зноем поля палит,
На солнцепёке связка дорог,

Деревья по грудь в пыли.
В каждый дом, в грязь и в уют,
Где шёпотком, где вслух,
Так, что волосы дыбом встают,
Вползает слух,
Страшный
  чудовищный
  жуткий бред!

Болью, бедой застиг –
Девушку девятнадцати лет,
Уже не спасти...
Там, где остановился миг,
Где лес задохнулся от слёз,
Последний по-детски пронзительный крик,
Вмерзает в стволы берёз.

1

Россия!
Прости мне, что стоном в горле,
вчерашня,
не удержалась ты,
что ГОРЕ твоё обнажаю,
годы,
срывая,
как высохшие бинты.
Прости мне, что трогаю раны снова,
что боль причиняю
прости –
мне плиты гранитные дали слово,
и камни надгробные
и кресты.
И старая роща дала мне слово,
и этот вот холм земляной,
холм,
над которым воздух спрессован,

новорождённую тишиной.

Не я,

так другой это слово выжжет,

не я, так другой,

расскажет о том,

что зори твои

от крови не выжать,

что ночью земля

издаёт стон,

езде,

где траншеи лежат, как шрамы,

где встали надгробия

чередой,

езде,

и здесь – у могилы,

той самой учительницы молодой.

В музее,

под тишиною мерной,

под тяжестью многих лет

хранится,

на вылет пробитый смертью,

её комсомольский билет.

И фотография – снимок старый,

с которого всем нам

издалека,

она улыбнулась,

как будто знала,

что надо без страха

шагнуть в века.

... Я видел однажды (сквозь времени дымку

сберечь бы такое и пронести),

старик наклонился над этим снимком

и дрогнули губы:

– Прости... прости...

И слёзы,

как будто виновен в чём-то,

протяжно текли по его щекам...
Смотрела на старика девчонка
И не узнавала ученика.
А он всё стоял, согнувшись нелепо,
к жёлтому снимку глазами припав,
и плакал чуть слышно,
и как-то слепо
вздрагивал правый пустой рукав...
Это не бред,
это было! было!

2

Но разве могло быть иначе –
Мы носим живые цветы на могилы,
А совесть
плачет.
Мы зажигаем Вечное Пламя
и боли в глазах не прячем –
Павшие – с нами,
навечно с нами,
Но совесть
плачет.
Мы помним погибших,
но разве легче,
Разве спокойней станет
В Минуту Молчанья,
когда на плечи
Не тяжесть,
а совесть давит.
Когда тишина города застелит,
У нас для защиты всё есть,
И всё же срывает
солдата с постели
По первой тревоге
совесть.
И так будет вечно!

За нами люди
Дорогой пройдут хорошей,
Но легче не будет, им легче не будет
Под памятью – вечной ношей.
Им легче не будет,
и в зной, и в слякоть,
И в холод, прожжённый порошей,
Будут они на могилах плакать
Под памятью – горькой ношей.
Им легче не будет нести, как гордость,
Всю память и боль о прошлом
И жить,
и любить эту землю, горбясь
Под совестью – вечной ношей.

3

Россия!
Над каждой твоей тропинкой,
Над каждым клочком земли,
Где воздух великою болью пропитан,
Благослови меня, благослови,
Быть стоном твоим, Россия.
Ты – горе в моей крови,
Россия,
ты гордость моя и сила!
Благослови меня,
благослови.